

К.В. Гусаров

ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Проблема правосубъектности в научной литературе разрабатывается в течение многих лет. Среди ученых-процессуалистов институт гражданской процессуальной правосубъектности впервые был подвергнут специальному исследованию Н.А. Чечиной (5), а в последующем В.В. Комаровым, П.И. Радченко, А.К. Сергун, С.А. Якубовым и др. (2, 4, 6).

Н.А. Чечина предложила ввести в научный оборот и в законодательство вместо понятия “гражданская процессуальная правоспособность” термин “гражданская процессуальная правосубъектность”, охватывающий своим содержанием возможность иметь определенный законом комплекс процессуальных прав и обязанностей и способность своими действиями осуществлять их (5, с. 25). В целом ее точка зрения имеет основания. Действующее гражданское процессуальное законодательство закрепляет гражданскую процессуальную правоспособность и гражданскую процессуальную дееспособность. В соответствии со ст. 100 ГПК способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности признается за всеми гражданами Украины независимо от происхождения, расовой и национальной принадлежности и т.п., а также за государственными предприятиями, учреждениями, организациями, общественными организациями, пользующимися правами юридического лица. Согласно ст. 101 ГПК способность лично осуществлять свои права в суде или поручать ведение дела представителю принадлежит гражданам, достигшим совершеннолетия, и юридическим лицам.

Содержание ст. 100 ГПК позволяет сделать вывод, что законодатель закрепил лишь за сторонами и третьими лицами возможность обладания правоспособностью. То же наблюдается и при анализе статьи, регламентирующей гражданскую процессуальную дееспособность.

Объем гражданской процессуальной правоспособности различен применительно к каждому участнику гражданского процесса, поскольку все субъекты обладают различными правами и обязанно-

стями, которые присущи тому или иному субъекту с учетом конкретного процессуально-правового положения, которое он занимает в процессе.

Таким образом, законодательная регламентация правоспособности и дееспособности в гражданском процессе не учитывает то, что процессуальная правоспособность и дееспособность должны быть предпосылками правообладания не только для сторон, но и для иных субъектов процессуальной деятельности. Поскольку участники гражданского процесса имеют различное процессуальное положение, процессуальная правоспособность и дееспособность не могут быть единой по своему содержанию. К тому же, если у сторон и третьих лиц правоспособность и дееспособность могут существовать раздельно, то право- и дееспособность иных участников гражданского процесса составляют органическое единство.

Гражданская процессуальная правосубъектность является предпосылкой как правообладания, так и возникновения гражданских процессуальных правоотношений.

При характеристике правового статуса сторон и третьих лиц следует пользоваться категорией "правосубъектность", поскольку она является, по существу, выражением права на судебную защиту, которое предоставлено всем лицам независимо от их дееспособности. Осуществлять же его и действовать могут только дееспособные лица. В связи с этим возможен разрыв между обладанием правами и способностью к их осуществлению. В области гражданского процесса сторона признается субъектом права и при отсутствии дееспособности. В случае, если возникает необходимость в защите нарушенного или оспариваемого права лица, его дееспособность, которой оно не обладает либо обладает не в полном объеме, в суде восполняют его дееспособные представители, которые действуют в интересах представляемого. Представляемые, являясь правоспособными, могут иметь гражданские процессуальные права и обязанности, но не могут самостоятельно ни приобретать, ни осуществлять их, ни нести ответственность за свои действия. Закон, таким образом, восполняет отсутствующую или ограниченную дееспособность душевнобольных и детей дееспособностью законных представителей.

Правосубъектность свидетеля, эксперта, переводчика также состоит из правоспособности, дееспособности и возникает одновременно со вступлением в процесс, реализовываясь одновременно.

Особенностью правосубъектности судебных органов, прокурора, органов управления является то, что ее содержание отличается от содержания правосубъектности сторон, третьих лиц, свиде-

теля, эксперта, переводчика, состоит из компетенции, которая включает в себя комплекс полномочий, которыми указанные субъекты наделены по закону. Требуется специального изучения судебная деликтоспособность, поскольку законодательство предусматривает санкции к указанным субъектам в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей. Категории “правоспособность” и “дееспособность” к указанным участникам не применимы, поскольку это только способность (возможность) иметь права и обязанности и своими действиями либо через своих представителей осуществлять их, тогда как судебные органы, прокурор, органы управления обладают не возможностью их иметь, а самими правами и обязанностями и применительно к ним, как справедливо отмечает А.К. Сергун, надо говорить не о процессуальной правоспособности и дееспособности, а о компетенции как о комплексе полномочий, которыми эти субъекты наделены по закону (4, с. 75).

Суд в гражданском процессе является основным участником процесса и обладает правосубъектностью, которая проявляется в многочисленных полномочиях. Причем правосубъектность (компетенция) судебных органов является строго определенной в зависимости от вида судебного органа и звена судебной системы, в котором он состоит. Каждый судебный орган, будь-то суд первой, кассационной или надзорной инстанции, наделяется законодателем присущим только ему комплексом полномочий.

Правовое положение и функций судебных органов различны. А.Ф. Козлов, к примеру, правильно отмечает, что их компетенция строго индивидуальна и целенаправленна, поскольку одни из них наделяются полномочиями на рассмотрение гражданских дел по существу, другие — на проверку судебных решений, не вступивших в законную силу, третьи — на проверку судебных решений, обладающих законной силой (1, с. 6). Автор далее подразделяет полномочия судебных органов на предметные и функциональные (1, с. 54-57). предметные полномочия, по его мнению, устанавливаются в виде судебной подведомственности и подсудности.

Данная точка зрения, на наш взгляд, является несколько устаревшей. Поскольку ст. 124 Конституции Украины закрепила юрисдикцию судов на все правоотношения, возникающие в государстве, нет смысла говорить о подведомственности. Юрисдикция гражданских судов распространяется на все правоотношения, кроме случаев, когда те или иные споры рассматриваются по правилам иного судопроизводства. О предметных полномочиях, на наш взгляд, следует говорить в несколько ином аспекте: компетенция

общих судов не ограничена относительно рассмотрения тех или иных дел, и поэтому указанные полномочия следует определять в зависимости от того, в форме конституционного, хозяйственного, уголовного или гражданского судопроизводства осуществляется правосудие.

Формой участия прокурора в гражданском судопроизводстве, как справедливо отмечают Н. Руденко и В. Глаговский, является представительство, цель которого — усиление гарантий защиты конституционных прав гражданина или государства (5, с. 60).

Целью участия органов управления в гражданском процессе является защита субъективных прав и охраняемых законом интересов граждан, организаций и государства. Эти органы могут быть привлечены судом к участию в процессе или вступить в процесс по собственной инициативе для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей.

Таким образом, законодательная регламентация правосубъектности (правоспособности и дееспособности) нуждается в совершенстве, ибо значение нормы о гражданской процессуальной правоспособности уже ее словесного выражения, поскольку означает способность граждан и юридических лиц быть стороной или третьим лицом в процессе и к иным субъектам процесса она не относится. Этот недостаток Гражданского процессуального кодекса Украины (ст. 100) необходимо исправить, с тем чтобы правоспособностью были охвачены все участники процесса. Если придерживаться точного смысла ст. 100 ГПК, то все участники процесса, кроме сторон и третьих лиц, не имеют возможности обладать правами и обязанностями, что, безусловно, не так.

Возникает вопрос: чем же вызвана эта законодательная формулировка гражданской процессуальной правоспособности? Видимо, тем, что она заимствована из гражданского права, ибо в гражданском праве правоспособность является свойством всех субъектов этой отрасли права. Субъекты же процессуального права, на наш взгляд, не наделены и не должны быть наделены равной и одинаковой возможностью участия в процессе.

В свою очередь, в гражданское право институт правоспособности был введен из общей теории права, в которой правоспособность понимается как способность иметь права и обязанности. Данная формулировка в настоящее время является господствующей и применяется во всех отраслях права, однако применяется без учета отраслевой специфики той или иной отрасли права. Исходя из общей теории права, правоспособностью обладают все субъекты права.

Иначе говоря, лицо, обладающее правоспособностью, является субъектом права. Однако для гражданского процессуального права недостаточно выяснить, кто является субъектом данной отрасли права. Надо еще определить и конкретные правовые возможности этих субъектов.

На основании изложенного считаем, что вместо законодательного закрепления гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности следует закрепить в ГПК правовую норму о гражданской процессуальной правосубъектности как о возможности обладания и реализации предусмотренных гражданским процессуальным законодательством прав и обязанностей в зависимости от конкретного занимаемого правового положения в процессе, которая признается за всеми гражданами независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств, а также за предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без создания юридического лица, а также за лицами, защищающими в процессе чужой интерес.

Список литературы: 1. Козлов А.Ф. Суд первой инстанции как субъект советского процессуального права. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 2. Комаров В.В., Радченко П.И. Субъекты гражданского процессуального права. - Харьков: Юрид. ін-т, 1990. 3. Руденко М., Глаговський В. Представництво прокуратурою інтересів громадянина або держави в суді (теоретичний і практичний аспекти)//Право України. - 1997. - № 11. 4. Сергун А.К. Процессуальная правоспособность и правосубъектность (в литературе и в ГПК)//Вопр. науки советского гражд. процес. права: Труды ВЮЗИ. - Т. 38. - М., 1975. 5. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 6. Якубов С.А. Субъекты советского гражданского процессуального права. - Ташкент: Изд-во ФАН, 1973.

О.В. Рожнов

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Характерной особенностью современных исследований в правоведении является интерес к вопросам юридической процессуальной формы (18, с. 8). В науке гражданского процессуального права этой проблеме также уделяют определенное внимание, так как изучение ее различных аспектов предопределяет правильное пони-